БРЮС СТЕРЛИНГ

СТАРОМОДНОЕ БУДУЩЕЕ

SHOUT
SHARE
IT

Annotation

Главному герою поручено доставить некую «посылку» одному загадочному джентльмену. Сперва удачливый герой влюбляется в девушку, приставленную его охранять, а потом с удивлением обнаруживает, что в пункте назначения царит форменный бардак, который аборигены именуют Переворотом…

- Брюс Стерлинг
  -
- notes
  - 1
  - 2
  - 3
  - 4
  - 5

Брюс Стерлинг
Глубокий Эдди

— Цигаретты? — вежливо осведомился господин с континента, сидевший в соседнем коконе.

— Что в них? — глубокомысленно ответил вопросом на вопрос Глубокий Эдди.

Седовласый господин услужливо забормотал: что-то многосложное и из области немецкой клинической медицины. Программа-переводчик Эдди тут же накрылась.

Эдди вежливо отказался. Господин извлек «цигаретту» из пачки, вывернул мундштук и запыхтел. Пахнуло резким ароматом, словно в кофе ударила молния.

Европейский господин быстро повеселел. Щелчком открыв электроблокнот с лентой он-лайн новостей, он пробежался по клавишам меню и принялся внимательно изучать немецкий бизнес-зин.

Глубокий Эдди вырубил переводчика, щелкнул спецификом и просканировал соседа. Господин скачивал в мировую сеть свою бизнес-биографию. Звали его Петер Либлинг. Уроженец Бремена, девяносто лет, менеджер среднего звена в европейской фирме, занимающейся пиломатериалами. Хобби — триктрак и собирание антикварных телефонных карточек. Что-то уж слишком молодо выглядит для своих девяноста. Наверняка у него полно диковинных и любопытных медицинских синдромов.

Герр Либлинг поднял взгляд, явно выведенный из себя компьютерным вниманием Эдди. Эдди опустил специфик, давая окулярам упасть себе на грудь и повиснуть на цепочке. Привычный жест, Эдди часто к нему прибегал — мол, «прости, не собирался пялиться, приятель». Большинство людей относились к спецификам с подозрением. Большинство понятия не имело об огромных возможностях программного обеспечения спецификации информации. Большинство до сих пор спецификами не пользовалось. Короче говоря, большинство попросту неудачники.

Эдди выпрямился в своем небесно-голубом коконе и стал смотреть из окна лайнера. Чаттануга, штат Теннеси. Ярко-белые керамические башни управления полетами. Вдалеке — винного цвета офисные кварталы и миллион темно-зеленых деревьев. Эдди снова поднял специфик, чтобы поглядеть, как, беззвучно стартуя, уходит на запад азиатский лайнер. Из дальних турбин вырывались в инфракрасном турбулентные потоки. Эдди был без

ума от инфракрасного видения. Глубокий и беззвучный магический водоворот невидимого жара, дыхание промышленности.

Люди недооценивают Чаттанугу, думал Эдди с гордостью местного уроженца. В Чаттануге — высокий процент вложений на душу населения в программы спецификации. Если уж на то пошло, Чаттануга была на третьем месте в НАФТА. Номер Первый — Сан-Хосе, Калифорния (разумеется), а номером Вторым шел Мэдисон, штат Висконсин.

На службе своей эхи Эдди уже съездил в оба эти города-конкурента, чтобы обменяться программками, разрекламировать, продавать кой-какую информацию и тщательно изучить местную тусовку. Собрать сведения на конкурентов. Короче, повынюхивать, что там к чему, чтоб не играть словами. Последней деловой поездкой Эдди были пять пьяных дней на развеселом конвенте по программам спецификации в Куидад-Хуарец, Чихуахуа. Эдди пока еще не понял сам для себя, почему это Куидад-Хуарец, в прошлом прескучный фабричный городок на берегу Рио-Гранде, вдруг так помешался на спецификах. Даже детишки здесь имели свои примочки, в ярких пятнах и крапинках пластиковые одноразовые пузыри с жалкими парой десятков мегов. Спецификации висели на груди у старушек, едва ковыляющих по улицам. Спецификации были встроены в шлемы охранников и постовых. И повсюду афиши и объявления, каких без специфика и не прочесть вовсе. И тысячи дельцов в пиджаках с кондиционерами и пятьюдесятью терабайтами, примостившимися на переносице. Куидад-Хуарец задыхался в тисках самой что ни на есть настоящей специфик-мании. Может, все дело в литии в тамошней воде?

Сегодня долг звал Эдди в Европу, а точнее, в Дюссельдорф. Долгу не было нужды громко кричать, чтобы привлечь внимание Эдди. Достаточно было малейшего шепота, чтобы заставить Глубокого Эдди покинуть насиженное гнездо, дом, где он все еще жил с родителями Бобом и Лайзой.

На сей раз шепотом долга оказались несколько специфик-писем и бандероль от президента местного отделения. «Долг перед сетью; репутация нашей группы зависит от тебя, Эдди. Доставка. Не посрами нас; доставь пакет во что бы то ни стало. И поглядывай в специфик — дело может оказаться опасным». Что с того? Опасность и Эдди — друзья до гроба. Закидываться текилой и эфедрином в нос в переулке в Мехико, когда на тебе пара очков с компьютерными примочками стоимостью дороже автомобиля — вот это опасно. Большинство побоится сотворить такое. Большинство не в состоянии справиться с собственными

страхами. Большинство слишком боится жить.

Это будет первой взрослой поездкой Эдди в Европу. В возрасте девяти лет он ездил с Бобом и Эдди в Мадрид на конвент «Размышление Сексуальности», но все его воспоминания о той поездке сводились к скучному уик-энду с плохим теликом и невнятной, приправленной помидорами едой. А вот Дюссельдорф обещал настоящее приключение. Такая поездка, вероятно, даже стоит того, чтобы встать в четверть восьмого утра.

Эдди промокнул воспаленные веки платочком, смоченным в физрастворе. От специфика у Эдди, похоже, развивался первостатейный ожог; или, может, все дело просто в бессоннице. Он допоздна и решительно неудовлетворительно засиделся со своей нынешней девчонкой Джалией. Он пригласил ее в надежде на «прощание героя», толсто намекая на то, что его могут избить или даже убить зловещие умники сетевого европейского подполья. А вместо продолжительных и заботливых резвых шалостей получил четырехчасовую серьезную лекцию на тему эмоционального центра бытия Джалии: коллекционирования японского стекла.

Его лайнер мягко оторвался со взлетной полосы Чаттануги. И Эдди пронзило внезапным, инстинктивным сознанием того, что Джалия, по сути, контрпродуктивна. Джалия просто ему не подходит. Ясные глаза, курносый носик и сексапильная россыпь татуировок на правой скуле. Роскошная вспышка жара тела в инфракрасном спектре. Прямые пряди темных волос, которые посередине становились вдруг курчавыми и волнистыми. Как можно иметь такие чудные волосы и столько тату и быть при этом настолько зажатой? Джалия на деле вообще ему не друг.

Лайнер мерно набирал высоту, проходил над сверкающими водами Теннеси. За окном Эдди длинные гибкие крылья гнулись и колебались грациозными строго контролируемыми движениями, компенсируя турбулентные потоки. Сама кабина держалась столь же ровно, как баржа на Миссисиппи, но под анализом специфика крылья с компьютерными примочками походили на лезвие вибрирующей пилы. Нервирует. «Только бы сегодня не оказалось тем днем, когда добрая компания жителей Чаттануги упадет с неба», — подумал про себя Эдди, поерзав немного в ласкающих объятиях своего кокона.

Он оглядел кабину, перебирая взглядом своих сокандидатов на быструю массовую гибель. Три сотни человек или около того, европейская и НАФТА лайнер-буржуазия; все — ухоженные, вежливые. Никто не смотрит испуганно. Раскинулись в своих коконах пастельных тонов, болтают, подключили оптоволокно к лаптопам и ноутбукам, просматривают линейки новостей, звонят

по видеотелефону. Как если бы были у себя дома или в переполненном цилиндрическом холле какого-нибудь отеля, и все — в пустом и намеренном неведении относительно того факта, что несутся по воздуху и что поддерживают их на высоте только плазмотурбины и расчеты компьютера. Большинство ничего вокруг себя не замечает. Достаточно где-нибудь малейшего сбоя в программном обеспечении, ошибки в десятом знаке после запятой, и эти умные гибкие крылья оторвутся ко всем чертям. Разумеется, такое случается не часто. Но иногда случается.

Глубокий Эдди мрачно размышлял о том, попадет ли его собственная кончина в заголовки новостей. В сами новости она, конечно же, попадет, но, вероятно, окажется на задворках, на каком-нибудь пятом или шестом уровне ссылок.

Пятилетний малыш в коконе позади Эдди устраивал припадок детских ликования и страха:

— Мой е-мейл, мама! — щебетало, подпрыгивая на месте, дите с отчаянным энтузиазмом. — Мам! Мам, мой е-мейл! Ну, мам, забери мой е-мейл!

Стюардесса предложила Эдди завтрак. Он взял тарелку мюсли и полдюжины размоченных чернослив. А потом обновил свою кредитку и заказал мимозу. Однако выпивка не заставила его проснуться, так что он заказал еще два коктейля. А потом он заснул.

* * *

На таможне в Дюссельдорфе царило столпотворение. Летние туристы спешили в город, словно огромный косяк мигрирующих сардин. Однако пассажиры, прибывшие из-за европейских пределов — из НАФТА, из Сферы, с Юга, — в сравнении с гигантским потоком внутри-европейских перевозок были крохотным меньшинством, которое через таможню проскакивали совершенно беспрепятственно.

Инспекторы в униформах сканировали багаж из НАФТА и с Юга спецификами, предположительно на предмет взрывчатых веществ, но их громоздкие, выпущенные по госзаказу специфики уже лет на пять как устарели. Глубокий Эдди пролетел зеленый коридор без приключений, потом получил штамп на паспорт-чипе. Отрубиться на шампанском с апельсиновым соком, а потом прохрапеть пьяно весь перелет над Атлантикой явно было отличной идеей. По местному времени было девять вечера, и Эдди чувствовал себя отдохнувшим. Ясная голова. Ко всему готов.

Голоден.

Эдди уже двинул было к указателям «наземный транспорт», как путь ему заступила коренастая женщина в объемном коричневом плаще. Он остановился как вкопанный.

— Мистер Эдвард Дертузас, — не спросила, а возвестила незнакомка.

— Верно, — отозвался Эдди, отпуская ручки сумки. Они уставились друг на друга — специфик в специфик. — На деле, как вам, без сомнения, видно из моей он-лайн био, друзья зовут меня Эдди. Глубокий Эдди чаще всего.

— Я не ваш друг, мистер Дертузас. Я ваш телохранитель. Сегодня меня зовут Сардинка. Нагнувшись, Сардинка подняла его дорожную сумку. Когда она выпрямилась, то ростом оказалась Эдди по плечо.

Немецкий переводчик Эдди, которого тот в полете возродил к жизни, мигнул зеленым титром в нижнем ободе специфика.

— Сардинка, — отметил он. — Сардинка?

— Не я выбираю кодовые имена, — раздраженно ответила Сардинка, — Я использую то, какое дает мне компания.

Она прокладывала себе дорогу через толпу, расталкивая людей ловкими тычками дорожной сумки Эдди. Одета Сардинка была в объемистый коричневый плащ с кондиционером, под его полами видны были желтовато-коричневые джинсы со множеством карманов и черно-белые полицейские ботинки на толстой подошве. Бодрящее трио маленьких блестящих татуированных треугольников украшало правую щеку Сардинки. Ее руки, привлекательно маленькие и изящные, были затянуты в перчатки в черно-белую полоску. С виду ей было под тридцать. Нет проблем. Ему нравились зрелые женщины. Зрелость приносила с собой глубину.

Эдди просканировал ее био.

«Сардинка», — безжалостно подсказал специфик. И ничего больше. Совершенно ничего: ни собственного дела, ни нанимателя, ни адреса, ни возраста, ни интересов, ни хобби, никакой личной рекламы. Европейцы странно относятся к защите частной жизни. Но опять же отсутствие должных сведений о Сардинке могло иметь отношение к роду ее деятельности.

Эдди глянул на собственные руки, подергивающиеся голые пальцы над виртуальным меню в воздухе и переключился на примитивную специфик-программку, какую скачал из Тихуаны. Своего рода легенда в области спецификов, Х-Спец срывал с людей слои одежды и экстраполировал плоть под ними в полноцветную видеосимуляцию. Сардинка, однако, была настолько плотно упакована в различные нательные пояса,

кобуры и подкладные плечи, что Х-Спец был сбит с толку. Симуляция получилась тревожно фальшивая: груди и плечи раскачивались при каждом шаге, словно одурелый от наркотиков пластилин.

— Скорей прочь, — строго посоветовала Сардинка. — Я хотела сказать, пошевеливайтесь.

— Куда мы идем? На встречу с Критиком?

— В свое время.

Эдди проследовал за ней через топочущую, шаркающую ногами, галдящую толпу к рядам камер хранения.

— Вам действительно нужна эта сумка, сэр?

— Что? — переспросил Эдди. — Конечно, нужна! В ней все мои вещи.

— Если мы возьмем ее с собой, мне придется тщательно ее обыскать, терпеливо объяснила ему Сардинка. — Давайте положим вашу сумку в камеру хранения, вы сможете забрать ее перед тем, как уехать из Европы. — Она показала ему небольшую серую ручную сумку с логотипом берлинского пятизвездочного отеля. — Тут стандартный набор туриста.

— Мою сумку просканировали на таможне, — возразил Эдди. — Я, честное слово, чист. Через таможню я пулей пролетел.

— Миллион туристов прибыли в Дюссельдорф на эти выходные. — Сардинка коротко и саркастически рассмеялась. — Здесь же будет Переворот. Вы думаете, на таможне вас досматривали всерьез? Поверьте, Эдвард, ваши вещи и не думали досматривать по-настоящему.

— Звучит угрожающе.

— Настоящий досмотр требует уйму времени. Некоторые устройства совсем крохотные, то, что вплетается в ткань одежды, приклеивается к коже… Сардинка пожала плечами. — Я люблю, чтобы у меня было время в запасе. Я заплачу вам за время. Вам нужны деньги, Эдвард?

— Нет, — удивленно ответил Эдди. — Я хочу сказать, ну да. Разумеется, мне нужны деньги, кому они не нужны? Но у меня дорожные чеки и кредитная карточка от моей эхи. От ЭКоВоГСа.

Она внимательно оглядела его, нацелив ему в лицо специфик:

— Кто такой Экowогс?

— Эха компьютерного восприятия гражданских свобод, — объяснил Эдди. Отделение Чаттануга.

— Понятно. Английское сокращение. — Сардинка нахмурилась. — Ненавижу сокращения… Эдвард, я заплачу вам сорок экю наличными за то, что вы положите свою сумку в камеру хранения, а вместо нее возьмете вот эту.

— Продано, — отозвался Эдди. — Где деньги? Сардинка протянула ему четыре потертые банкноты с голограммой. Эдди запихал наличку в карман, потом открыл собственную дорожную сумку и достал оттуда повидавшую виды книгу в жестком картонном переплете — «Масса и власть» Элиаса Канетти.

— Так, легкое чтиво, — неубедительно объяснил он.

— Дайте мне посмотреть книгу, — настояла на своем Сардинка. Она быстро пролистнула ее, просканировала страницы полосатыми кончиками пальцев, согнула переплет и проверила корешок, предположительно на предмет запрятанных в нем бритв, отравленных игл или полосок взрывчатого пластилина. — Контрабандный ввоз данных, — кисло заключила она, возвращая ему книгу.

— Тем ЭКоВоГС и дышит. — Эдди подмигнул ей поверх специфика.

Он убрал книгу в серую гостиничную сумку и застегнул молнию. Потом закинул свою дорожную сумку в ячейку, захлопнул дверцу и вынул ключ с номерком.

— Дайте мне ключ, — сказала Сардинка.

— Зачем?

— Вы можете вернуться и открыть ячейку. Если ключ будет у меня, это намного снизит риск нарушения безопасности.

— Не выйдет. — Эдди нахмурился. — Забудьте об этом.

— Десять экю, — предложила она.

— М-м-м-м…

— Пятнадцать.

— О'кей, пусть будет по-вашему. — Эдди отдал ей ключ. — Не потеряйте.

Без улыбки Сардинка опустила ключик в закрывающийся на молнию карман на рукаве своего плаща:

— Я никогда ничего не теряю. — Она открыла бумажник.

Кивнув, Эдди убрал десятку и пять бумажек по одному экю. На десятке был голопортрет Рене Декарта, глубокий, похоже, был мужик и выглядел донельзя французом и рационалистом.

Эдди решил, что пока его дела идут неплохо. Если уж на то пошло, в дорожной сумке не было ничего остро необходимого: нижнее белье, билеты, визитные карточки, рубашки, галстук, подтяжки, запасная пара обуви, зубная щетка, аспирин, растворимый кофе, нитки с иголками и наушники. И что с того? Она же не предложила ему расстаться со спецификом.

А также он по уши втюрился в свой эскорт. Кодовое имя «Сардинка» вполне ей подходило — она производила впечатление маленькой холодной рыбки из консервной банки. Эдди это казалось извращенно привлекательным. На деле он считал ее

настолько привлекательной, что с трудом мог стоять на месте и дышать нормально. Ему и впрямь нравилось, как она держит свои ручки в полосатых перчатках, ловко по-женски и таинственно по-европейски, но главное — волосы. Длинные, рыжевато-русые и тщательно заплетенные педантичной машиной. Он любил машинные прически у женщин. В НАФТА, похоже, никак не могли уловить эту моду. Косы Сардинки напоминали массу ржавых антикварно-музейных кольчужных звеньев или, быть может, какую-нибудь фантастически сложную железнодорожную развязку. Ее прическа была самая что ни на есть деловая. Не только ни одного волоска не выбивалось из косиц Сардинки, но любая растрепанность была топологически невозможной. Непрошенно перед мысленным взором Эдди возникла картина: каково было бы запустить в них пальцы в темноте?

— Я умираю с голоду, — объявил он.

— Тогда мы поедим. — Они двинулись к выходу. Электрические такси пытались — без особого успеха — остановить все расширяющиеся кровотечение туристов. Сардинка покогтила полосатыми пальцами воздух, потом подправила невидимые меню специфика. Она как будто накладывала злые чары на ближайшую семейную стайку итальянцев, которые отреагировали на это с едва скрытым ужасом.

— Мы можем пройти к городскому автобусу, — сказала она Эдди. — Так будет быстрее.

— Пешком быстрее?

Сардинка стартовала, и Эдди пришлось поспешить, чтобы не отстать от нее.

— Послушайте, Эдвард. Если вы будете следовать моим предложениям относительно вашей безопасности, мы сэкономим время. Если я сэкономлю время, вы заработаете деньги. Если вы заставите меня больше работать, я не буду такой щедрой.

— Да разве я что говорю, — запротестовал Эдди. В ее полицейские ботинки была встроена, судя по всему, какая-то компьютерная рассчитывающая движения стелька, поскольку двигалась она так, словно шагала на пружинах. Я здесь для того, чтобы встретиться с Культурным Критиком. Аудиенция. Я должен доставить ему кое-что. Вам ведь это известно?

— Книгу?

Эдди приподнял серую гостиничную сумку.

— Ну да… Я приехал в Дюссельдорф для того, чтобы передать европейскому интеллектуалу старую книгу. На деле — вернуть ее ему. Он вроде как дал ее почитать Руководящему Комитету ЭКоВоГСа, а теперь настало время вернуть ее. Каких же это потребует трудов?

— Очевидно, немного, — спокойно ответила Сардинка. — Но во время Переворота всякое может случиться.

Эдди степенно кивнул:

— Перевороты — весьма любопытный феномен. ЭКо-ВоГС изучает Перевороты. Мы, возможно, подумаем о том, чтобы самим у себя такой закатить.

— Перевороты случаются вовсе не так, Эдди. Переворот нельзя «закатить» или «устроить». — Сардинка помедлила, задумавшись. — Скорее, это Переворот забрасывает человека.

— Так я и думал, — отозвался Эдди. — Я ведь, знаете ли, читал его работы. Я хотел сказать, Культурного Критика. Глубокие труды. Мне понравилось.

Сардинка осталась равнодушной.

— Я не из его приверженцев. Меня просто наняли охранять его. — Она сотворила из воздуха новое меню. — Какой пищи вам бы хотелось? Китайской? Тайской? Эритирийской?

— А как насчет немецкой?

Сардинка рассмеялась:

— Мы, немцы, никогда не едим немецкую кухню… В Дюссельдорфе очень хороши японские кафе. Поесть лосося к нам прилетают из Токио. И сардины…

— Вы живете здесь, в Дюссельдорфе, Сардинка?

— Я живу повсюду в Европе, Глубокий Эдди. — Голос ее стал вдруг тихим и печальным. — В любом городе, укрытом за экраном… А экраны есть по всей Европе.

— Звучит неплохо. Хочешь поменяться программками к спецификам?

— Нет.

— Ты не веришь в anwendungsoriente wissensverabeitung?[1]

Сардинка скорчила гримаску:

— Надо ж, какой умник, не забыл выучить соответствующее выражение по-немецки. Говори по-английски, Эдди. Акцент у тебя ужасающий.

— Премного благодарен, — отозвался Эдди.

— Не глупи, Эдди, со мной нельзя обмениваться программами. Я не стану отдавать программы безопасности для специфика гражданским ребятишкам янки.

— У тебя что, копирайта на них нет?

— И это тоже. — Она с улыбкой пожала плечами.

Выйдя из здания аэропорта, они пошли на юг. Беззвучный равномерный поток электрического транспорта лился по Флугхафенштрассе. Воздух в сумерках пах мелкими белыми розами. Они перешли улицу на светофоре. Семиотика немецкой рекламы и вывесок, проникая в сознание, начинала вызывать

слабый культурный шок. Garagenhof.[2] Specialist fuer Mobiletelephone.[3] Buerohausern.[4] Он запустил программку распознавания данных в надежде на перевод, но немедленное дублирование слов повсюду, куда ни кинь взгляд, только создавало ощущение шизофрении.

Они укрылись на освещенной автобусной остановке, где кроме них нашли убежище пара основательно татуированных геев, помахивающих продуктовыми сумками. Видеореклама, встроенная в стену остановки, нахваливала немецкоязычные программы редактирования электронной почты.

Пока Сардинка, не нарушая молчания, терпеливо ждала автобуса, Эдди впервые смог рассмотреть ее поближе. Было что-то странное и неопределенно европейское в линии ее носа.

— Будем друзьями, Сардинка. Я сниму специфик, если ты снимешь свой.

— Может, потом, — ответила она.

Эдди рассмеялся:

— Тебе стоит со мной познакомится поближе. Я веселый парень.

— Я уже с тобой знакома.

Мимо прошел переполненный автобус. Пассажиры облепили его гроздьями плакатов и транспарантов, а на крышу поставили клаксон, издававший пулеметные очереди бонго-музыки.

— Переворотчики уже взялись за автобусы, — кисло заметила Сардинка, переступая с ноги на ногу, будто давила виноград. — Надеюсь, мы сможем добраться в центр.

— Ты ведь выудила из сети мои данные, так? Кредитные документы и все такое. Интересно было?

Сардинка нахмурилась:

— Изучать документы моя работа. Я не сделала ничего противозаконного. Все по уставу.

— Я не в обиде. — Эдди развел руками. — Но ты ведь выяснила, что я совершенно безобиден. Давай расслабься немного.

Сардинка вздохнула:

— Я выяснила, что ты неженатый мужчина в возрасте от восемнадцати до тридцати пяти. Без постоянной работы. Без постоянного места жительства. Жены нет, детей нет. Радикально-политические настроения. Часто путешествуешь. Согласно демографической статистике, ты относишься к группе повышенного риска.

— Мне двадцать два, если быть точным. — Эдди отметил, что Сардинка никак не среагировала на это его заявление, а вот оба подслушивавших гея напротив весьма заинтересовались. Он с

напускной беспечностью улыбнулся. Я здесь для распространения информации, вот и все. Все меж друзьями. На деле, я даже уверен, что разделяю политические воззрения твоего клиента. Насколько я смог что-либо понять из его воззрений.

— Политика тут ни при чем. — Сардинка скучала и была несколько раздражена. — Мне нет дела до политики. Восемьдесят процентов всех преступлений с применением насилия совершается мужчинам твоей возрастной группы.

— Эй, фрейлейн, — это внезапно подал голос один из геев, говорил он по-английски, но с сильным немецким акцентом. — На нашу долю также приходится восемьдесят процентов шарма!

— И девяносто процентов веселья! — добавил его спутник. — Сейчас время Переворота, янки-бой. Пойдем с нами, совершим пару преступлений. — Он рассмеялся.

— Очень мило с вашей стороны, — вежливо и по-немецки отозвался Эдди. Но я не могу. Я с нянюшкой.

Первый гей бросил на это остроумную шутку-идиому на немецком, смысл которой заключался, по-видимому, в том, что ему нравятся парни, которые носят солнечные очки после наступления темноты, но что Эдди не хватает татуировок.

Эдди, дочитав титры из воздуха, коснулся черного кружка у себя на скуле:

— Вам что, не нравится мой солитер? Он вроде как зловещий в своей сдержанности, как по-вашему?

В ответную шутку они, похоже, не въехали, поскольку только поглядели ни него озадаченно. Подошел автобус.

— Этот подойдет, — объявила Сардинка.

Она скормила автобусу чип-билет, и Эдди последовал за ней на борт. Автобус был переполнен, но толпа казалась вполне благодушной; в основном японоевропейцы, решившие поразвлечься в городе. Они на двоих заняли один кокон в хвосте.

За окном автобуса совсем стемнело. Они плыли по улице в управляемой компьютером машиной, скользили в похожей на сон отрешенности. Эдди чувствовал, как его овевает ароматом путешествий; основное нервное возбуждение млекопитающего, живого существа, вырванного из привычной жизни и заброшенного будто сверхзвуковой призрак на другую сторону планеты. Иное место, иное время: какой бы безмерный набор маловероятностей ни собрался воспрепятствовать его присутствию здесь, все они были побеждены. Вечер пятницы в Дюссельдорфе, 13 июля 2035 года. Время двадцать два десять. В самих точных цифрах крылось что-то магическое.

Он снова поглядел на Сардинку, усмехнулся ликующе и внезапно понял, кто она есть на самом деле. Сгорбленная под

грузом забот функционер женского пола сидит напряженно в хвосте автобуса.

— А где мы, собственно, сейчас? — спросил он.

— Едем по Данцигерштрассе на юг к Альштадту, — ответила Сардинка. Старому центру города.

— Да? А там что?

— Картофель. Пиво. Шницель. То, что ты хотел съесть. Автобус остановился, и с остановки в него ввалилась толпа топающих и толкающихся буянов. На противоположной стороне улицы трое полицейских возились со сломанной камерой наблюдения за уличным движением. Копы были затянуты в полновесные розовые бронескафандры. Эдди слышал где-то, что вся экипировка брошенной на подавление уличных беспорядков европейской полиции розового цвета. Считалось, что этот цвет успокаивает.

— Не особенно-то тебе весело приходится, да, Сардинка?

Она пожала плечами:

— Мы с тобой разные люди, Эдди. Я не знаю, что ты везешь Критику, да и знать не хочу. — Одним полосатым пальцем она поправила специфик, таким жестом классные дамы поправляют очки. — Но если ты не сможешь выполнить свою работу, это в самом худшем случае будет означать значительную потерю, для культуры. Я права?

— Наверное, да. Конечно.

— Но если я не выполню свое задание, Эдди, что-то реальное может случиться на самом деле.

— Надо же, — уязвленно отозвался Эдди.

Давка в автобусе становилась гнетущей. Эдди встал и предложил свое место в коконе едва держащейся на ногах старушке в осиянном блестками комбинезоне для вечеринки.

Сардинка тогда неохотно тоже поднялась и начала пробиваться вперед по проходу. Потащившись за ней, Эдди ободрал голень о толстые подошвы зверских сапог пьяного, развалившегося в соседнем коконе.

Сардинка остановилась как вкопанная, чтобы обменяться парой тычков локтями с норвежским камикадзе в рогатой бейсболке, и Эдди прямо-таки врезался в нее. И тут понял, почему встречные так стремились поскорей освободить Сардинке проход: в ткань ее плаща были вплетены керамические волокна, так что на ощупь она напоминала наждачную бумагу. Он дернулся, поймал одной рукой ременную петлю.

— Ладно, — выдохнул он в лицо Сардинке, покачиваясь перед ней специфик в специфик, — если каждому из нас так неприятно общество другого, почему бы нам не покончить со

всем? Дай мне сделать то, зачем я приехал. Тогда я заберусь тебе под юбку, — он умолк, сам шокированный своими словами, — я хотел сказать, отцеплюсь от твоей юбки. Извини.

Она не заметила.

— Ты свое задание выполнишь, — сказала она, сама цепляясь за собственную петлю. Они стояли так близко друг к другу, что Эдди чувствовал прохладный ветерок от кондиционера, вырывающийся из-за воротника ее плаща. — Но на моих условиях. В то время, в какое я укажу, в тех обстоятельствах, какие мне удобны. — Она намеренно отказывалась встречаться с ним взглядом, голова ее покачивалась из стороны в сторону, словно от тяжкого смущения. Эдди сообразил, что она методично сканирует лица всех пассажиров в автобусе.

Она выделила ему мимолетную рассеянную улыбку:

— Не обращай внимания, Эдди. Будь хорошим мальчиком и повеселись в Дюссельдорфе. Просто дай мне делать мою работу, идет?

— Ладно, идет, — пробормотал Эдди. — Правда, я счастлив, что попал тебе в руки.

Ему, похоже, никак не удавалось покончить с двусмысленными намеками. Они словно слюна собирались у него во рту, выскальзывая из подсознания.

За стенами автобуса сияли сверкающие координатные сетки многоэтажек Дюссельдорфа, разношерстные облатки извечной тайны. Столько человеческих жизней за этими окнами. Люди, которых он никогда не встретит, никогда не увидит. Жаль, что он все еще не может позволить себе фотоаппарат с оптическим прицелом.

Эдди прокашлялся:

— А что он сейчас делает? Я имею в виду Культурного Критика?

— Встречается с агентами на явке. Он повидает уйму народа за время Переворота. Это, знаешь ли, его работа. Ты лишь один из многих, кого он привезти — извини, заставил приехать — в это время в это место. — Сардинка помедлила. — Хотя по потенциальной угрозе ты в первой пятерке.

Автобус останавливался снова и снова. Толпа все прибывала, дергаясь, пихаясь и выбивая друг другу коленные чашечки. В хвосте вспыхнула было потасовка, но была задушена, не успев по-настоящему разгореться. Пьяная женщина попыталась без особого успеха сблевать из окна. Сардинка мрачно удерживала свою позицию еще несколько остановок, потом начала наконец пробиваться к дверям.

Автобус притормозил, и внезапный порыв массы тел вынес их

на улицу.

Они прибыли к длинному подвесному мосту над широкой, залитой лунным светом рекой. Из конца в конец парящие в небе кабели моста были увешены, словно перед вечеринкой, гирляндами подмигивающих лампочек. По всему мосту раскинулся блошиный рынок, торговцы сидели по-турецки на светящихся матах и весьма бойко торговали всяческим хламом для туристов. Дальше почти в самой середине моста уличный жонглер в компьютерных перчатках подбрасывал на высоту третьего этажа горящие факелы.

— Господи, ну и красивая же река, — сказал Эдди.

— Рейн. Это мост Оберкасселер.

— Великий Рейн. Ну конечно, конечно. Впервые вижу Рейн. А пить из него безопасно?

— Разумеется. В Европе все цивилизованно.

— Так я и думал. Даже пахнет приятно. Пойдем выпьем немного рейнского.

Вдоль берега тянулись муниципальные сады: мускатные виноградники и огромные педантично-аккуратные клумбы блеклых цветов. Не знающие усталости роботы-садовники обрабатывали их сезон за сезоном хирургическими лопатами. Эдди наклонился над кромкой воды и зачерпнул пригоршней волну от прошедшего мимо катера на воздушной подушке. В лунной лужице у себя в горсти он увидел собственное защищенное окулярами специфика лицо. На глазах у Сардинки он отпил немного воды, а остальное выплеснул как возлияние духу сего места.

— Вот теперь я счастлив, — объявил он. — По-настоящему счастлив.

* * *

К полуночи он уже отработал четыре пива, два шницеля и тарелку жареной картошки. Картошкой оказались жаренные в масле картофельные чипсы с подливкой из яблочного соуса. Моральный дух Эдди вознесся к небесам, стоило ему положить в рот первый из них.

Они сидели за столиком в уличном кафе посреди столетней пешеходной улицы в Старом городе. Вся улица казалась единым тянувшимся без перерыва баром, сплошь стулья, зонтики и брусчатка, островерхие крыши, увитые виноградом, окна-эркеры, цветы под ними, и древние медные флюгеры. Город заполонили самовластные толпы таращащих глаза, шаркающих ногами,

улюлюкающих и гикающих иностранцев.

Мягкие и доброжелательные, несколько ошарашенные дюссельдорфцы пустили в ход всю свою уравновешенность, чтобы умиротворить гостей и избавить их от избытков наличности. Массированные отряды розовой полиции поддерживали порядок. Эдди видел, как двух мужиков в рогатых бейсболках деловито тащили в «черный воронок» — в «Розовую Мину», как их тут называли, — но викинги были свински пьяны и получили по заслугам, а зрители глядели на это вполне добродушно.

— Не пойму, отчего столько шуму из-за этих Переворотов, — сказал глубокомысленно Глубокий Эдди, полируя линзы специфика куском лишенного ворсинок искусственного шелка. — Это ж простая формальность. Никаких тут беспорядков не будет. Только погляди, какие спокойные и размякшие эти мужики.

— Беспорядки уже начались, — возразила Сардинка. — Только пока еще не в Старом городе, не у тебя под носом.

— Да?

— За рекой сегодня орудуют банды поджигателей. Они возводят баррикады на улицах Нойсса, переворачивают и поджигают машины.

— С чего это?

Сардинка пожала плечами:

— Они активисты движения против автомашин. Требуют защиты прав пешеходов и увеличения массового транзита… — Она помолчала, считывая что-то в специфике. — Зеленые радикалы штурмуют музей Лоббеке. Они хотят, чтобы все экземпляры вымерших видов насекомых передали на клонирование… Университет имени Генриха Гейне бастует, требуя академических свобод, и кто-то забросал клеебомбами большой дорожный туннель под студенческим городком… Но это пока пустяки. Завтра на стадионе Рейн матч еврокубка по футболу, встречаются команды Англии и Ирландии. Вот там неприятностей не оберешься.

— М-да. Звучит скверно.

— Да. — Она улыбнулась. — Поэтому давай наслаждаться здешним спокойствием, Эдди. Праздность — сладкая штука. Даже на краю грязного хаоса.

— Но ни одно из этих событий не кажется мне таким уж угрожающим или серьезным.

— Каждое само по себе оно ничто, Эдди. Но все происходит разом. Вот каков Переворот.

— Не понимаю. — Эдди снова надел специфик и щелчком пальца высветил меню. Он тронул полоску меню кончиком указательного пальца — включились усилители освещения.

Текущие мимо толпы, — силуэт каждого человека слегка мерцал от компьютерных спецэффектов, — казалось, прогуливались по чрезмерно освещенным подмосткам. — Думаю, все беспорядки от чужаков в городе, проговорил Эдди задумчиво, — а сами немцы выглядят такими… ну… добродушными и аккуратными и цивилизованными. Зачем им вообще Перевороты?

— Эдди, Перевороты не то, что с удовольствием планируют на уик-энд. Они — то, что просто случается с нами. — Сардинка отпила кофе.

— Как это может происходить и не быть запланированным?

— Ну, разумеется, мы знали, что оно надвигается. Это мы, уж конечно, знали. Слухи всегда ходят. Вот как начинается Переворот. — Она разгладила салфетку. — Спроси об этом Критика, когда с ним встретишься. Он постоянно говорит о Переворотах. Пожалуй, он знает о них не меньше любого другого.

— Да, да, я читал его статьи. Он пишет, что это слух, раздутый электронными и цифровыми медиа, в петле обратной связи с динамикой толпы и современными массовыми средствами передвижения. Нелинейный сетевой феномен. Это-то я понимаю! Но когда он начинает цитировать какого-то мужика по имени Канетти… — Эдди похлопал по боку серой сумки. — Я пытался читать Канетти, правда пытался, но он же из двадцатого века и до черта занудный и скучный… Что ни говори, мы в Чаттануге все делаем по-другому.

— Все так говорят до первого своего Переворота, — отозвалась Сардинка. — А потом все иначе. Как только понимаешь, что Переворот и впрямь может случиться с тобой… Ну, это все меняет.

— Мы просто предпримем меры, чтобы его остановить, вот и все. Примем меры, чтобы его контролировать. Разве вы тут ничего не можете предпринять?

Стянув полосатые перчатки, Сардинка положила их на стол и принялась растирать голые пальцы, подула потом на кончики их и взяла из корзинки большой хлебный крендель с солью. Эдди с удивлением заметил, что в перчатки ее встроены массивные, почти каменные с виду усилители для костяшек и что сами перчатки слегка подергиваются, будто живут собственной жизнью.

— Разумеется, кое-что сделать можно, — ответила она. — Привести в боевую готовность пожарных и полицию. Нанять дополнительную частную охрану. Чрезвычайное управление освещением, дорожным движением, электропитанием, информацией. Открыть убежища и набить их аптечками первой помощи. И предупредить все население. Но когда город говорит

своим жителям, что надвигается Переворот, это стопроцентная гарантия того, что Переворот состоится… — Сардинка вздохнула. — Я уже работала на Переворотах. Но это будет крупный. Большой и черный. И он не закончится, не может закончиться пока все и каждый не поймут, что он позади, и почувствуют, что с ним покончено.

— Но в твоих словах нет смысла.

— Разговоры о Переворотах не помогут, Эдди. То, как мы с тобой вот тут о нем разговариваем — мы сами становимся частью Переворота, понимаешь? Мы здесь из-за Переворота. Мы встретились благодаря Перевороту. И мы не можем разбежаться, пока не отбушует Переворот. — Она пожала плечами. — Ты можешь уехать, Эдди?

— Нет… не прямо сейчас. Но у меня тут дела.

— И у всех остальных тоже.

Хмыкнув, Эдди допил еще одно пиво. Пиво здесь ну просто фантастика.

— Это ж какая-то китайская игра «растяни ниточку».

— Да, знаю о ней.

Эдди усмехнулся:

— А что, если мы разом перестанем тянуть? Мы можем перетерпеть. Уехать из города. Книгу я выброшу в реку. Сегодня мы с тобой могли бы улететь в Чаттанугу. Вместе.

Она рассмеялась:

— Но ты ж, однако, этого не сделаешь.

— Значит, ты меня все же не знаешь.

— Ты плюнешь в лицо своим друзьям? А я потеряю работу? Дорогая цена за красивый жест. За претензию одного молодого человека на свободу воли.

— Я не выделываюсь, дамочка. Испытай меня. Что, слабо?

— Значит, ты пьян.

— Ну, есть немного. — Он рассмеялся. — Но не шути над свободой. Свобода — это самое что ни на есть настоящее в мире.

Он встал и отправился на поиски туалета.

По пути назад Эдди остановился у платного телефона. Скормил в него десять пфеннигов и набрал Теннеси. Ответила Джалия.

— Который час? — спросил он.

— Семь вечера. Ты где?

— В Дюссельдорфе.

— О… — Она потерла нос. — Судя по шуму, ты в каком-то баре.

— В точку.

— Чего новенького, Эдди?

— Я знаю, ты в людях ценишь честность, — объявил Эдди. — Поэтому я решил рассказать тебе, что у меня намечается роман. Я встретил здесь одну немку, и, откровенно говоря, она просто неотразима.

Джалия сурово нахмурилась:

— И у тебя хватает наглости пороть эту чушь, когда на тебе специфик.

— Ну да. — Он стянул окуляры и снова уставился в монитор. — Извини.

— Ты пьян, Эдди, — заявила Джалия. — Ненавижу, когда ты пьян! Ты способен наговорить и наделать все что угодно, когда ты пьян и на другом конце телефонного провода. — Она нервозно потерла последнее прибавление к татуировкам на скуле. — Это что, одна из твоих дурацких шуточек?

— Да. Да, на деле это так. Шансы восемьдесят против одного, что она меня тут же и отошьет. — Эдди рассмеялся. — Но я все равно намерен попытать счастья. Поскольку ты не даешь мне жить и дышать.

Лицо Джалии застыло.

— Когда мы говорим лицом к лицу, ты всегда злоупотребляешь моим доверием. Вот почему я не хотела, чтобы дело зашло дальше виртуалки.

— Да брось, Джалия.

— Если думаешь, что будешь счастливее с какой-то там виртуальной извращенкой в Европе, давай, мне не жалко! — с вызовом бросила она. — Я только не понимаю, почему ты не можешь заниматься этим по кабелю из Чаттануги.

— Здесь Европа. Тут говорят о реальном опыте.

Это Джалию шокировало.

— Если ты действительно прикоснешься к другой женщине, видеть тебя больше не хочу. — Она прикусила губу. — И виртуалкой заниматься с тобой тоже. Я серьезно, Эдди. Сам знаешь, что я серьезно.

— Ага, — отозвался он. — Знаю.

Эдди повесил трубку, забрал из автомата мелочь и набрал номер своих родителей. Ответил отец.

— Привет, Боб. Лайза дома?

— Нет, сегодня у нее вечер оптического макраме. Как Европа?

— Другая.

— Рад тебя слышать, Эдди. У нас вроде как недостаток в деньгах. Но я могу уделить тебе немного непрерывного внимания.

— Я только что бросил Джалию.

— Хороший ход, сынок, — деловито отозвался отец. — Прекрасно. Очень серьезная девушка эта Джалия. Слишком уж

пуританистая для тебя. Парню твоих лет нужно встречаться с девчонками, которые прямо из кожи вон лезут.

Эдди кивнул.

— Ты ведь не потерял специфик?

Эдди поднял очки на цепочке, показывая их монитору:

— Все тип-топ.

— Сперва я тебя даже и не признал, — сказал отец. — Эд, ты такой серьезный парень. Взваливаешь на себя массу всякой ответственности. Столько времени в разъездах, все программы да программы. Мы с Лайзой все время говорим о тебе по сети. Ни один из нас и дня не работал до тридцати, и всем нам это только пошло на пользу. Тебе надо пожить, сынок. Найди себя. Нюхай розы. Хочешь остаться на пару месяцев в Европе, забудь о курсе алгебры.

— Это исчисление, Боб.

— Как скажешь.

— Спасибо за добрый совет, Боб. Я знаю, ты от чистого сердца.

— Хорошие новости о Джалии, сынок. Ты же знаешь, мы не хотим обесценить твои чувства, и мы никогда ничего, черт побери, тебе не говорили, но ее стекло действительно противно. Лайза говорит, у нее нет эстетических чувств. А это, скажу тебе, немало для женщины.

— Узнаю маму. Поцелуй за меня Лайзу.

Он повесил трубку и вернулся за столик на тротуаре.

— Наелся? — спросила Сардинка.

— Ага. Вкусно.

— Спать хочешь?

— Не знаю. Может быть.

— Тебе есть где остановиться, Эдди? Номер заказан?

Эдди пожал плечами:

— Нет. Я обычно не заморачиваюсь. Какой в этом смысл? Гораздо веселее поступать по обстоятельствам.

— Хорошо. — Сардинка кивнула. — Действовать по обстоятельствам всегда лучше. Никто не сможет нас выследить. Так безопасней.

Она нашла им пристанище в парке, где группа активистов художников и скульпторов Мюнхена воздвигла сквотерские павильоны. Учитывая, какими бывают сквотерские павильоны, этот был довольно приятный, новый и в хорошем состоянии: огромный мыльный пузырь из целлофана и искусственного шелка. Хрусткая желтая пузырчатая пленка пола накрывала пол-акра. Убежище было нелегальное, а потому анонимное. Сардинке оно, похоже, пришлось весьма по вкусу.

Стоило им пройти через воздушный шлюз на молнии, Сардинка и Эдди оказались вынуждены больше часа изучать и осматривать мультимедийные творения художников. Хуже того, сразу после этого мучения экспертная система подвергла их дотошному экзамену, безжалостно донимая при этом сокровенными догматами эстетики.

Такая пытка оказалась для большинства сквотеров слишком высокой платой за ночлег. Павильон, хотя и привлекательный снаружи и изнутри, был заполнен лишь наполовину, и многие из тех, кто явился сюда усталым как собака, сломя голову бежали от современного искусства. Глубокий Эдди, однако, как бывало это почти всегда, получал в таких вещах высший балл. Благодаря ловким ответам на загадки компьютера он отвоевал себе приятное местечко, одеяло, непрозрачные занавески и даже собственную прикроватную лампочку. Сардинка, напротив, скучала и на вопросы отвечала односложно, а потому не получила дополнительно ничего, кроме подушки и места на пузырчатой пленке среди прочих филистеров.

Эдди не преминул вовсю попользоваться переносной кабинкой платного туалета и купил мятных таблеток и холодной минералки в автомате. Он уже устроился поуютнее, когда полицейские сирены и отдаленные и астматические, судя по звуку, взрывы не придали очарования ночи.

Сардинка, похоже, вовсе не спешила уходить.

— Можно мне посмотреть твою гостиничную сумку? — попросила она.

— Конечно.

Чего бы ей ее не посмотреть? Она ведь ему эту сумку и дала.

Он думал, она собирается снова изучить книгу, но вместо этого из недр сумки она извлекла небольшой целлофановый пакет и дернула за шнурок, его вскрывающий. С химическим шипением и смутной жаркой вонью катализатора и дешевого одеколона пакет развернулся в красочный комбинезон. У комбинезона были комично широкие штанины, рукава с оборками, и по всему нему шел праздничный и шутовской рисунок из открыток двадцатого века с сомнительного свойства видами купальщиц.

— Пижама, — произнес Эдди. — Надо же, какая забота.

— Можешь в этом спать, если хочешь. — Сардинка кивнула. — Но это носят днем. Я хочу, чтобы ты завтра это надел. И я хочу, чтобы ты мне отдал одежду, которая сейчас на тебе, я тогда смогу избавиться от нее завтра в целях безопасности.

На Эдди были деловая рубашка с длинным рукавом, легкий пиджак, американские джинсы, носки в крапинку и нэшвильские

ботинки из настоящей синей замши.

— Не могу я носить эту дрянь, — запротестовал он. — Господи, да у меня вид будет как у последнего неудачника.

— Да, — с энтузиазмом кивнула Сардинка, — он очень дешевый и самый распространенный. Это сделает тебя невидимым. Просто еще один весельчак среди тысяч и тысяч иностранцев, явившихся на вечеринку. Это самая безопасная одежда для курьера на время Переворота.

— Ты хочешь, чтобы я пошел на встречу с Критиком в таком виде?

Сардинка рассмеялась:

— Хорошим вкусом на Критика впечатления не произведешь, Эдди. Глаза, какими он смотрит на людей… он видит то, чего не видят остальные. — Она помолчала, раздумывая. — На него, возможно, произведет впечатление, если ты явишься к нему в этом. Не из-за того, что это есть, разумеется. А потому, что это покажет, что ты способен понимать вкус толпы и манипулировать им в собственных целях… в точности, как это делает он сам.

— У тебя и впрямь паранойя, — уязвленно ответил Эдди. — Я не наемный убийца. Я просто технарь из Теннеси. Тебе ведь это известно, так?

— Да, я тебе верю, — кивнула она. — Ты очень убедителен. Но это не имеет никакого отношения к правилам обеспечения безопасности. Если я заберу твою одежду, это снизит риск для всей операции. — Насколько снизит? Да и вообще, что ты надеешься найти в моих вещах?

— Много, очень много чего, что ты мог туда напихать, — терпеливо ответила она. — Человечество — раса изощренных существ. Мы выдумали способы убивать или причинять боль и увечья почти чем угодно или почти ничем. — Она вздохнула. — Если ты еще не знаешь о подобных приемах, глупо было бы с моей стороны просвещать тебя о них сейчас. Так что будь проще, Эдди. Я была бы рада забрать твою одежду, Сто экю.

Эдди покачал головой:

— На сей раз это будет тебе дорогого стоить.

— Тогда две сотни, — ответила Сардинка.

— Забудь об этом.

— Я не могу поднять цену больше двух сотен. Разве что ты мне позволишь совершить обыск полостей тела?

Эдди уронил специфик.

— Обыскать полости твоего тела, — терпеливо повторила Сардинка. — Ты взрослый человек, ты должен об этом знать. Много чего можно запрятать в отверстия и полости тела человека.

Эдди уставился на нее во все глаза:

— А сперва розы и немного шоколада нельзя?

— У нас ни шоколада, ни роз не получишь, — строго ответила Сардинка. И не говори мне о шоколаде и розах. Мы с тобой не любовники. Мы с тобой клиент и телохранитель. Знаю, дело малоприятное. Но это всего лишь бизнес.

— Да? Ну, торговля полостями тела для меня новость. — Глубокий Эдди потер подбородок. — Как простой юнец янки я сбит с толку. Может, согласишься на бартер? Сегодня ночью?

Сардинка хрипло рассмеялась:

— Я не собираюсь спать с тобой, Эдди. Я вообще не собираюсь спать! Ты глупо себя ведешь. — Она покачала головой. Потом внезапно подняла массу туго заплетенных косиц над правым ухом. — Взгляни на это, мистер Простой Юнец Янки. Я покажу тебе мою любимую полость тела. — В скальпе у нее над ухом виднелось отверстие пластмассовой трубочки телесного цвета. — Вживлять такие в Европе дело подсудное. Мне это вживили в Турции. Сегодня утром я загнала туда половину сс. Спать я не буду до понедельника.

— Господи, — выдохнул Эдди. Он поднял специфик, чтобы через него поглядеть на небольшое утопленное отверстие. — Прямо через барьер крови-мозга, так? Чертовский, наверное, риск занести инфекцию.

— Я это делаю не для забавы. Это не как пиво с крендельками. Просто для того, чтобы мне не заснуть. Чтобы не спать до тех пор, пока не закончится Переворот. — Она снова опустила волосы и села с видом полного самообладания. — А потом я полечу куда-нибудь и буду лежать на солнце, совершенно неподвижно. И в полном одиночестве, Эдди.

— О'кей, — сказал Эдди, чувствуя странную извращенную и смутную к ней жалость. — Можешь взять на время мою одежду и обыскать ее.

— Мне придется сжечь одежду. Две сотни экю?

— Хорошо. Но ботинки останутся мне.

— Можно мне бесплатно посмотреть твои зубы? Это займет только пять минут.

— Ладно, — пробормотал он.

Улыбнувшись ему, Сардинка тронула свой специфик. С пластинки у нее на переносице вырвался яркий пурпурный лучик.

* * *

В восемь ноль-ноль утра беспилотный вертолет полиции попытался очистить парк. Он пролетел высоко над головой, чтобы

пролаять машинные угрозы на пяти языках. Все машину попросту оставили без внимания. В половине девятого появилась шеренга настоящих полицейских. В ответ на это группа сквотеров выкатила собственный громкоговоритель, невероятных размеров питаемое от батареи устройство акустического нападения.

Первый сотрясающий землю визг ударил Эдди словно электрический разряд. Он мирно лежал на своем пузырчатом матрасе, прислушиваясь к придурковатому тявканью роботизованного вертолета. Теперь же он поспешно выпрыгнул из своей аварийной набивки и заполз в хрустящую, столь же пузырчатую ткань нелепого комбинезона.

Сардинка появилась, когда он еще закреплял пуговицы-липучки. Она вывела его из павильона.

Матюгальник сквотеров высился на стальной треноге в окружении внушительной банды перемазанных в смазке анархистов в шлемах и защитных наушниках и вооруженных дубинками. Невероятный, причитающий вой матюгальника превращал нервы всех присутствующих в желе. Словно Медуза выла.

Копы отступили, и хозяева громкоговорителя отключили его на время, победно размахивая при этом блестящими на утреннем солнце дубинками. Оглушительную нервозную тишину нарушали редкие крики, язвительные смешки и хлопки, но атмосфера в парке резко испортилась: стала агрессивной и сюрреальной. Привлеченные апокалиптическим визгом, люди стекались в парк рысцой, готовясь принять участие в каких придется потасовках.

У этих людей на первый взгляд было мало общего: ни общих прикидов, ни общего языка и, уж конечно, ни единой внятной политической цели. По большей части это были молодые мужчины, и большинство из них имели такой вид, как будто провели на ногах всю ночь: повсюду красные глаза и сварливость. Они принялись громко насмехаться над отступающими копами. Толкущаяся на месте банда вспорола ножами один из меньших павильонов, ярко-алый, и под их топочущими сапогами он осел, как кровавый нарыв.

Сардинка вывела Эдди на край парка, где копы выстраивали в шеренгу роботизованные розовые коконы «скорой помощи» в надежде не пропустить толпу.

— Я хочу посмотреть, что будет, — запротестовал Эдди. В ушах у него звенело.

— Они собираются драться, — объяснила Сардинка.

— Из-за чего?

— Из-за чего угодно, — прокричала она. — Не имеет значения. Они нам зубы повыбивают. Не глупи.

Схватив его за локоть, она потянула его за собой в брешь смыкающихся боевых порядков.

Полиция пригнала грузовик с клеепушкой на гусеничном ходу и принялась грозить толпе склейкой. Эдди никогда раньше не видел клеепушки — только по телевизору. Машина выглядела на диво пугающей, даже несмотря на розовую раскраску. Приземистая и слепая, с шлангом на тупорылой морде, она жужжала словно воин-термит на колесах.

Внезапно несколько копов возле пушки начали морщиться и пригибаться. Эдди увидел, как от бронированной крыши клеегрузовика отскочил какой-то блестящий предмет. Пролетев метров двадцать, предмет приземлился у ног Эдди. Он подобрал его. Это был шарикоподшипник из нержавейки размером с глазное яблоко коровы.

— Духовые ружья? — спросил он.

— Пращи, — ответила Сардинка. — Смотри, чтоб в тебя такой не попал.

— Ну да. Отличный совет, пожалуй.

На дальней от копов стороне парка группа людей — какие-то хорошо организованные демонстранты — наступали парадным шагом под огромным транспарантом в два человеческих роста. По-английски на полотнище значилось: «Единственное, что может быть хуже смерти, это пережить собственную культуру». Каждый из демонстрантов, а их было под шестьдесят, нес длинную пластмассовую пику, на острие которой красовалась зловещего вида губка-луковица. По тому, как они совершали свой маневр, стало ясно, что технику владения пикой они знают отменно; их фаланга щетинилась пиками точно дикобраз, и какой-то капитан в задних рядах выкрикивал отрывистые приказы. Хуже того, пикейщики почти обошли копов с фланга, так что последние принялись панически звать подкрепление.

Беспилотный вертолетик просвистел прямо над головами Эдди и Сардинки, причем это был не первый, что лениво ковылял над парком, а другой, решительный и злобный и нечеловечески быстрый.

— Бежим! — крикнула Сардинка, хватая его за руку. — Перечный газ…

Эдди оглянулся на бегу. Вертолет, словно опыляя урожай, пукал клубами плотного темно-бордового тумана. Толпа взвыла от неожиданности и ярости, и несколько секунд спустя снова врубили адский матюгальник.

Сардинка бежала с поразительными легкостью и быстротой. Она неслась подпрыгивая, словно под ногами у нее взрывались шутихи. Эдди, намного моложе ее годами и наделенный от

природы более длинными ногами, едва поспевал за ней.

Через две минуты они уже оставили парк далеко позади, перебежали через широкую улицу и окунулись в пешеходный лабиринт магазинчиков и ресторанов. Тут Сардинка остановилась и дала ему перевести дух.

— Господи Иисусе, — выдохнул он, — где мне купить такие ботинки?

— Изготовлены по спецзаказу, — спокойно отозвалась она. — И для них необходима спецподготовка. Иначе колени можно сломать… — Она уставилась на ближайшую булочную. — Хочешь сейчас позавтракать?

В уютном помещении кондитерской, за изящным накрытым салфеточкой столиком Эдди отведал булочку с шоколадной начинкой. Два кокона «скорой помощи» с воем пронеслись по улице, за ними вразвалку прошла под барабанный бой и сталкивая с тротуаров прохожих большая колонна демонстрантов; но в остальном все было вполне спокойно и мирно. Сардинка сидела, сложив руки на груди и уставясь в пространство. Он решил, что она считывает сводки по городу и советы по охранникам с линейки внутри специфика.

— Ты ведь не устала? — спросил он.

— Я во время операций не сплю, — ответила она, — но иногда хочется посидеть неподвижно. — Тут она наградила его улыбкой. — Тебе не понять…

— Нет уж, спасибо, — с полным ртом отозвался Эдди. — Там сущий ад творится, а ты тут сидишь, попивая апельсиновый сок, спокойная, как пупырышек на соленом огурце… Черт, эти круасаны или как они там называются, потрясающе хороши. Эй! Герр Обер! Принесите мне еще парочку. Ja, danke.[5]

— Проблемы последуют за нами повсюду. Здесь мы в такой же безопасности, как в любом другом месте. На деле тут даже лучше, поскольку мы не на открытом месте.

— Хорошо. — Эдди кивнул, не переставая жевать. — В парке была жуткая сцена.

— В парке еще не так плохо. А вот у Рейн-Спайр совсем худо. «Боевые птицы Махаона» захватили вращающийся ресторан. Они крадут кожу.

— Что за «Боевые птицы»?

Сардинка поглядела на него удивленно:

— Ты о них не слышал? Они из НАФТА. Преступный синдикат. Вымогательства со страховкой, защита, плюс они держат все казино Республики Квебек…

— Ладно, ладно. А что такое кража кожи?

— Это новый вид мошенничества. Они крадут кусочек кожи

или образец крови. Понимаешь? С твоим ДНК. А через год объявляют тебе, что держат в заложниках твоего новорожденного сына или дочь, что ребенка прячут где-нибудь на Юге… А потом они пытаются получить с тебя деньги и заставляют платить снова и снова…

— Ты хочешь сказать, они крадут гены тех, кто обедает в ресторане?

— Да. Поздний завтрак в Рейн-Спайр — это очень престижно. Все жертвы люди или состоятельные, или знаменитые. — Внезапно она рассмеялась, довольно горько, довольно цинично. — Меня ждет очень напряженный год, Эдди, и все благодаря этому. Новая работа — охранять кожу моего клиента.

Эдди подумал немного:

— Что-то вроде наемной матки, а? Но чистой воды извращение.

Сардинка кивнула:

— «Боевые птицы» — все помешанные, они даже не этнические преступники, они сеть групп по интересам… Преступление — чертовски гадкое дело, Эдди. Если когда-нибудь подумывал сам попытаться, даже думать забудь.

Эдди хмыкнул.

— Подумай об этих детях, — пробормотала она. — Рожденные благодаря преступлению. Изготовленные под заказ для преступных целей. В странном мире мы живем, а? Иногда он меня пугает.

— Да? — бодро переспросил Эдди. — Незаконнорожденный сын миллионера, воспитанный хай-тек мафией? Как по мне, так звучит чудно и романтично. Я хочу сказать, подумай, какие возможности.

Сардинка впервые сняла специфик, чтобы поглядеть на него. Глаза у нее оказались голубые. Очень странного и романтического оттенка голубизны. Вероятно, цветные контактные линзы.

— У богатых людей с незапамятных времен бывали незаконнорожденные дети, — продолжал Эдди. — Вся разница в том, что кто-то взялся и механизировал процесс. — Он рассмеялся.

— Пора тебе встретиться с Культурным Критиком, — сказала Сардинка и надела специфик.

* * *

Идти им пришлось далеко. Система городских автобусов

почила. Очевидно, футбольные болельщики спорта ради взялись обрабатывать муниципальные автобусы: вырывать коконы и забивать их как мячи в двери. По пути на встречу с Критиком Эдди видел сотни болельщиков; город буквально кишел ими. Поборники Англии были ребята крутые: буйные, в тяжелых ботинках, огрызающиеся, топающие ногами, распевающие что-то, анонимные молодые люди в наждачных плащах до колен со стрижками бобрик, с лицами, скрытыми за масками или за боевой раскраской под «юнион джек». Английские футбольные хулиганы путешествовали гигантскими сворами по две-три сотни голов. Вооружены они были дешевыми сотовыми телефонами. Антенны они замотали изолентой, так что получились ручки дубинок, а из противоударной керамической оболочки телефона получалось прескверное оружие. Невозможно запретить туристу иметь при себе сотовый телефон, так что полиция была бессильна прекратить подобную практику. С практической точки зрения здесь все равно ничего поделать было нельзя. Английские хулиганы захватывали улицы просто своим числом. Любой, завидев их, сломя голову скрывался в переулке.

За исключением, разумеется, ирландских болельщиков. Ирландцы носили толстые борцовские рукавицы по локоть с кошками, судя по всему, что-то вроде латных рукавиц рабочего класса, а также длинные зеленые с белым футбольные шарфы. В кармашки на концах шарфов были вшиты грузы, способные крушить черепа, а бахрома была украшена проволочными крючками, чтобы рвать кожу. Грузами служили совершенно законные столбики монет, а проволока — ну, проволоку можно раздобыть где угодно. Ирландцы, похоже, были в меньшинстве, но возмещали это тем, что на улицы они вышли еще более, если такое возможно, безудержные и пьяные, чем их соперники. В отличие от английских оболтусов ирландцы не пользовались даже сотовыми телефонами, чтобы координировать свои уличные драки. Они просто неслись на врага во весь опор, размахивая над головой шарфами и криком восхваляя Оливера Кромвеля.

Ирландцы нагоняли ужас. По улицам они прокатывались словно губкой. Все, что бы ни попадалось на их пути, было перевернуто и затоптано: сувенирные киоски, тумбы с видеопропагандой, будки с плакатами, столики с футболками, люди, торгующие комбинезонами-однодневками. Даже пострадовые аборционисты, вот уж истинные фанатики, и жутковатые, облаченные в черное активисты за эвтаназию покидали свои подиумы на тротуарах, чтобы скрыться от ирландских ребятишек.

Эдди передернуло от одной мысли о том, что должно

твориться на стадионе Рейн.

— Крутые, черт побери, ребятишки, — сказал он Сардинке, когда они выбрались из проулка, предоставившего им временное укрытие. — И все это из-за футбола? Боже, это кажется таким бессмысленным.

— Если б они бесчинствовали в собственных городах, вот это было бы бессмысленно, — возразила Сардинка. — Здесь на Перевороте они могут колошматить друг друга и всех в округе, а завтра они будут в полной безопасности каждый в своем городе в своем собственном мире.

— А, понял, — сказал Эдди. — Тогда в этом есть смысл.

Проходящая мимо блондинка в мусульманском хиджабе налепила значок Эдди на рукав. «Ваш адвокат станет говорить с Богом?» — громко и требовательно спросил значок по-английски. Эдди сорвал устройство и раздавил его каблуком.

Культурный Критик держал двор на явке в Штадтмитте. Явкой оказалась анонимная четырехэтажная трущоба двадцатого века, с обеих сторон окруженная приятными реставрированными доходными домами девятнадцатого столетия. Ночью на квартал совершила налет банда граффитистов, превратив поверхность улицы в размашистую полихромную фреску, сплошь огромные ухмыляющиеся котята, фрактальные спирали и прыгающие розовые фалло-поросята.

— Жаркий скачок, — с готовностью предложила одна из свинок, когда они проходили мимо.

Эдди, подходя к двери, подальше обошел место под слова.

На двери красовалась небольшая табличка, на которой значилось «Ликвидация и защита от Электронных Диверсий GmBH». Имелся и зарегистрированный именной логотип корпорации, судя по всему, кубик тающего льда.

Сардинка обратилась по-немецки к видеокамере двери; дверь распахнулась, и они вошли в вестибюль, заполненный взрослыми с бледными и перекошенными лицами. Все, как один, присутствующие были вооружены огнетушителями. Несмотря на атмосферу нервозной решительности и явной готовности к рукопашной, Эдди счел их за профессиональных преподавателей: скромно одетые, при галстуках и шарфах, узлы которых несколько сбились на сторону, диковинные татуировки на скулах, рассеянные взоры, слишком серьезные. Пахло в вестибюле неприятно, вроде как затхлым творогом и пылью книжных полок. Стены в пятнах грязи были увешаны схемами и диаграммами проводки, а вдоль них высились горы до отказа набитых коробок, помеченных неразборчивыми каракулями — какие-то архивы на дисках. По полу и по потолку змеились приклеенные скотчем

электропровода и проводка оптоволокна.

— Всем привет! — объявил Эдди. — Как дела?

Защитники здания поглядели на него, отметили его комбинезон и среагировали с безразличным облегчением. Они заговорили между собой по-французски, очевидно, возобновилась ненадолго отложенная и исключительно важная дискуссия.

— Привет, — отозвался, поднимаясь на ноги, немец лет тридцати, притулившийся в уголке.

У него были длинные редеющие сальные волосы и бледное как поганка лицо со впалыми щеками. На носу у него сидел секретарский полуспецифик, а за ним прятались самые бегающие глазки, какие Эдди когда-либо доводилось видеть. Эти глазки то и дело шныряли из стороны в сторону, злорадствовали, скользили по комнате. Он протолкался между защитниками и неопределенно улыбнулся Эдди:

— Я ваш хозяин. Добро пожаловать, друг.

Эдди пожал протянутую руку и бросил искоса взгляд на Сардинку. Та словно одеревенела и руки в перчатках засунула к тому же глубоко в карманы плаща.

— Ну, — забормотал бессвязно Эдди, поспешно отдергивая руку, спасибо, что согласились нас принять!

— Вам, наверное, захочется увидеть моего прославленного друга Культурного Критика, — с мертвенной улыбкой заявил хозяин. — Он наверху. Это мой дом. Он мне принадлежит. — Он огляделся по сторонам, лучась переполнявшим его удовлетворением. — Это моя Библиотека, видите ли. Мне выпала честь дать приют на Переворот великому человеку. Он ценит мои труды. В отличие от других. — Хозяин порылся в кармане мешковатых штанов. Эдди, инстинктивно ожидая увидеть раскрытый нож, был несколько удивлен, увидев, как хозяин протягивает ему старомодную визитную карточку с обтрепанными углами. Эдди глянул на нее.

— Рад познакомится, господин Шрек. Как поживаете?

— Волнующие настали времена, — с ухмылочкой заявил Шрек, потом коснулся своего специфика и прочел онлайн биографию Эдди. — Юный гость из Америки. Как мило.

— Я из НАФТА, — поправил Эдди.

— Борец за гражданские свободы. Свобода — вот единственное слово, что еще способно меня взволновать, — с настойчивостью чесоточного возвестил Шрек. — Мне нужно много больше американских задушевных друзей. Располагайте мной. И всеми моими цифровыми службами. Эта моя визитка — ах, позвоните по всем вашим сетевым адресам и расскажите своим друзьям. Чем больше их будет, тем счастливее вы сделаете

меня. — Он повернулся к Сардинке. — Kafee, фройляйн? Zigarretten?

Сардинка едва заметно покачала головой.

— Как хорошо, что она здесь, — сказал Шрек Эдди. — Она поможет нам сражаться. Вы поднимайтесь. Великий человек ждет посетителей.

— Я поднимаюсь с ним, — сказала Сардинка.

— Останьтесь, — настаивал Шрек. — Опасность грозит Библиотеке, а не ему.

— Я телохранитель, — ледяным тоном возразила Сардинка. — Я охраняю тело. Я не охраняю гавани данных.

Шрек нахмурился:

— Тем глупее окажетесь вы.

Сардинка последовала за Эдди по пыльной, устланной цветастым ковром лестнице. На площадке направо имелась антикварная офисная дверь двадцатого века — из светлого дуба с матовым стеклом. Сардинка постучала; кто-то откликнулся по-французски.

Телохранитель толкнула дверь. Внутри офиса два длинных рабочих стола были заставлены престарелыми настольными компьютерами. За до половины задернутыми шторами виднелись решетки, какими были забраны окна.

Культурный Критик в специфике и в перчатках виртуальной реальности сидел в ярком пятне солнечно-желтого света, отбрасываемого установленной на полозе лампы верхнего света. Он грациозно тыкал кончиками пальцев в тонкий как облатка инфоэкран из тканой материи.

Когда Сардинка и Эдди вошли в офис, Критик свернул экран в рулон, снял специфик и отсоединил перчатки. У Критика оказались растрепанные волосы цвета соли с перцем, еще Эдди заметил темный шерстяной галстук и длинный бордовый шарф, наброшенный поверх прекрасно скроенного пиджака цвета слоновой кости.

— Вы, должно быть, мистер Дертузас из ЭКоВоГСа? — спросил он.

— Вот именно. Как поживаете, сэр?

— Отлично. — Он коротко оглядел Эдди. — Полагаю, его одеяние твоя идея, Фредерика?

Сардинка коротко кивнула, вид у нее был кислый. Эдди улыбнулся, порадовавшись, что узнал настоящее ее имя.

— Присаживайтесь, — предложил Критик и налил себе еще кофе. — Я бы предложил вам чашечку этого… но мой кофе… приправлен.

— Я привез вам вашу книгу. — Эдди сел и раскрыл сумку, а

затем протянул Критику вышеназванный предмет.

— Великолепно.

Критик запустил руку в карман и, к удивлению Эдди, извлек из него нож. Щелкнув ногтем большого пальца, Критик выщелкнул лезвие. Сверкающий клинок с помощью фрактализации превратили с настоящую пилу; даже на самих зубьях имелись крохотные зазубрины. Это был складной нож размером с палец и острым как бритва лезвием длиной в руку.

Под неотразимой вспарывающей лаской ножа прочная обложка книги разошлась с тихим треском взрезанной ткани. Ловким движением из-под переплета Критик выдернул тонкий и мерцающий диск-накопитель. Книгу он положил на стол.

— Вы это прочли?

— Диск? — Эдди пустился в импровизацию. — Я решил, что он закодирован.

— И верно решили, но я имел в виду книгу.

— Думаю, она немало потеряла при переводе.

Критик вопросительно поднял брови. Брови у него были темные и густые, с глубокой складкой между ними, а под ними поблескивали запавшие серо-зеленые глаза.

— Вы читали Канетти в оригинале, мистер Дертузас?

— Я имею в виду перевод между веками, — сказал Эдди и рассмеялся. После прочтения у меня остались одни лишь вопросы… Вы могли бы ответить на них, сэр?

Пожав плечами, Критик отвернулся к ближайшему терминалу. Это был компьютер ученого, наименее обветшалая машина во всем офисе. Он нажал последовательно четыре клавиши; си-ди-ром завертелся и выплюнул диск. Критик протянул диск Эдди.

— Все ответы вы найдете здесь, во всяком случае, те, какие я могу дать вам. Полное собрание моих сочинений. Прошу вас, возьмите диск. Скопируйте его и отдайте кому пожелаете, разумеется, с указанием копирайта. Стандартная академическая процедура. Уверен, этикет вам известен.

— Большое спасибо, — с достоинством отозвался Эдди, убирая диск в сумку. — Разумеется, у меня уже есть ваши труды, но я рад получить исправленное и дополненное издание.

— Мне говорили, за экземпляр собрания моих сочинений можно получить чашку кофе в любом кафе Европы, — раздумчиво произнес Критик и, вставив закодированный диск, нажал еще несколько клавиш. — По всей видимости, цифровое отоваривание еще не вышло в тираж, даже в литературе… — Он уставился на экран. — Чудненько. Я знал, что мне еще понадобятся эти данные. И уж конечно, мне не хотелось бы держать их у себя

дома. — Он улыбнулся.

— Что вы собираетесь делать с этими данными? — решился спросить Эдди.

— Вы правда не знаете? — ответил вопросом на вопрос Критик. — И вы из ЭКоВоГСа, группы, кичащейся всепожирающим любопытством? Что ж, думаю, это тоже стратегия.

Он нажал еще несколько клавиш, потом откинулся на спинку кресла и вскрыл пачку сигарет.

— Какой стратегии?

— Новые элементы, новые функции, новые решения — я не знаю, что есть «культура», но я точно знаю, что делаю я.

Критик медленно затягивался, брови его сошлись у переносицы.

— И что же это?

— Вы хотите спросить, какова скрытая концепция? — Он помахал сигаретой в воздухе. — У меня нет «концепции». Борьбу нельзя низводить до одной простой идеи. Я возвожу здание мысли, которое не должно быть, не может быть низведено до единой простой идеи. Я возвожу структуру, которая, быть может, наведет на мысль о «концепции»… Сделай я большее, сама система пересилит культурное окружение… Любая система рационального анализа должна существовать внутри крепкого и слепого тела человеческих масс, мистер Дертузас. Если какой-то вывод мы и сделали из опыта двадцатого века, то это он по меньшей мере и есть. — Критик вздохнул, выдохнув облачко ароматного медицинского тумана. — Я сражаюсь с ветряными мельницами, сэр. Это долг… Часто это приносит боль, но одновременно приносит тебе невероятное счастье, поскольку ты понимаешь, что у тебя есть друзья и враги и что ты способен удобрить общество противоречивыми точками зрения.

— О каких врагах вы говорите?

— Здесь. Сегодня. Новое дата-сожжение. Это была необходимая стадия формального сопротивления.

— Здесь нехорошее место, — взорвалась Сардинка, или, точнее, Фредерика. — Я понятия не имела, что именно это наша сегодняшняя явка. Ни о какой безопасности здесь не может быть и речи. Жан-Артур, вы должны немедленно уйти отсюда. Вас тут могут убить!

— Дурное место? Ну разумеется. Но здесь столько мегабайтов на службе добра и на службе тех, кто творит добро, — так мало у нас внятных интеллектуальных трактовок истинной природы зла и его бытия… Жестокости и глупости и актов насилия и тьмы… — Критик вздохнул. — На деле, если б вам позволили заглянуть за коды, за какими герр Шрек столь мудро укрыл все

свои архивы, собранные здесь данные показались бы вам довольно банальными. Руководства по совершению преступлений притянуты за уши и скверно написаны. Схемы для бомб, подслушивающих устройств, лабораторий по производству наркотиков и так далее плохо разработаны и скорее всего неосуществимы на практике. Порнография — ребячески незрелая и явно антиэротичная. Вторжение в частную жизнь представляет интерес только для вуайеристов. Зло банально и ни в коей мере не столь кроваво-ало, каким рисуют его наши инстинктивные страхи. Это как сексуальная жизнь родителей — первоосновная и запретная тема и тем не менее объективно неотъемлемая часть их человеческой природы и разумеется, вашей собственной.

— Кто намеревается сжечь это место? — поинтересовался Эдди.

— Мой соперник. Он зовет себя Нравственным Рефери.

— Ну да, я о нем слышал. Так он тоже в Дюссельдорфе? Господи Иисусе.

— Он шарлатан, — фыркнул Критик. — Фигура типа аятоллы. Популярный демагог для масс… — Он глянул на Эдди. — Да, да… и обо мне говорят в точности то же самое, мистер Дертузас, мне это прекрасно известно. Но, знаете ли, у меня две докторских диссертации. А Рефери — самозваный цифровой Савонарола. Вообще не ученый. Философ-самоучка. В лучшем случае художник.

— А разве вы не художник?

— В том-то и опасность… — Критик кивнул. — Некогда я был простым учителем, а потом меня озарило сознание моей миссии… Я начал понимать, какие произведения сильнее других, а какие чистой воды украшательство, декорация… — Вид у Критика внезапно стал тревожный, и он снова принялся пыхать сигаретой. — В Европе слишком много кутюр и слишком мало культуры. В Европе все окрашено дискурсом. Здесь слишком много знания и слишком велик страх низвергнуть это знание… Вы в НАФТА слишком наивно постмодернистские, чтобы страдать от этого синдрома… А Сфера, о, Сфера, она ортогональна и нашим и вашим устремленьям. Юг, разумеется, последний наш резерв аутентичного человечества, и это невзирая на свершаемые там онтологические зверства…

— Не понимаю, о чем вы, — потерянно сказал Эдди.

— Возьмите диск. Не потеряйте его, — серьезно ответствовал Критик. — У меня есть определенные обязательства, вот и все. Я должен знать, почему я сделал определенный выбор, и быть в силах защитить его, я должен защищать выбранное мной или рискнуть потерять все… Этот выбор уже сделан. Знайте, сегодня

мой Переворот! Мой чудесный Переворот! В подобных этой точках перегиба кривой я способен внести изменения в общество в целом. — Он улыбнулся. — Лучше оно не станет, но, уж поверьте, не останется прежним…

— Сюда идут, — внезапно объявила Фредерика и, вскочив на ноги, принялась жестикулировать, когтя воздух. — Большая колонна маршем движется по улицам… у нас будут проблемы.

— Я знал, он не сможет не среагировать, стоит данным покинуть это здание, — кивнул Критик. — Пусть грядут погромы! Я не двинусь с места!

— Черт бы вас побрал, мне платят за то, чтобы вы остались в живых! — взорвалась Фредерика. — Люди Нравственного Рефери жгут гавани данных. Они делали такое раньше и сделают вновь. Давайте убираться отсюда, пока еще есть время!

— Мы все безобразны и злы, — преспокойно возвестил Критик, поглубже устраиваясь в кресле, и свел перед собой кончики пальцев. — Дурное знание по-прежнему остается законным самопознанием. Не делайте вид, что это не так.

— Нет никаких причин схватываться с ними врукопашную тут, в Дюссельдорфе! Мы тактически не готовы защищать это здание! Пусть они его сожгут! Кому есть до того дело, что станется с еще одним дурацким изгоем и его полным мусора крысиным гнездом?

Критик поглядел на нее с жалостью:

— Дело не в доступе. Дело в принципе.

— В яблочко! — выкрикнул Эдди, узнав лозунг ЭКоВоГСа.

Прикусив губу, Фредерика облокотилась о край стола и принялась отчаянно набирать что-то с невидимой клавиатуры.

— Если вы вызываете профессиональное подкрепление, — сказал ей Критик, — они только пострадают. На деле это не ваш бой, моя дорогая; вы не сторонник идеи.

— Да пошли вы со своей политикой! — огрызнулась Фредерика. — Если вас тут сожгут, мы все не получим премии.

— По крайней мере нет никаких причин ему тут оставаться. — Критик указал на Эдди. — Вы свое дело сделали, и преотлично, мистер Дертузас. Благодарю вас за успешную доставку. Вы очень мне помогли. — Критик глянул на экран терминала, где все еще деловито переписывалась в буферный файл программа с диска, потом снова на Эдди. — Предлагаю вам покинуть это здание; пока такое еще возможно.

Эдди посмотрел на Фредерику.

— Да, уходи! Все кончено. Я больше не твой эскорт. Беги, Эдди!

— Не выйдет. — Эдди крестил руки на груди. — Если вы не

двинетесь с места, я тоже не двинусь.

— Но ты можешь уйти. — Фредерика была в ярости. — Ты слышал, что он сказал.

— Ну и что? Поскольку я свободен, я волен и остаться, — возразил Эдди. — Кроме того, я из Теннеси, Добровольного штата НАФТА.

— На нас идут сотни врагов. — Фредерика глядела в пространство прямо перед собой, — Они нас пересилят, а дом сожгут дотла. Здесь не останется ничего, кроме пепла. Ни от тебя, ни от твоих поганых данных.

— Верьте, — невозмутимо отозвался Критик. — Помощь придет — и нежданными путями. Поверьте мне, я прилагаю все усилия, чтобы максимизировать последствия и смыслы этого события. То же, если уж на то пошло, делает мой конкурент. Благодаря диску, который только что попал мне в руки, я транслирую и пересылаю все происходящее здесь в четыре сотни самых взрывоопасных сетевых сайтов Европы. Да, люди Рефери могут уничтожить нас, но их шансы избегнуть последствий крайне невелики. И если сами мы падем во пламени, это только придаст более глубокого смысла нашей жертве.

Эдди воззрился на Критика в откровенном восхищении:

— Я не понимаю ни слова, черт побери, из того, что вы тут говорите, но думаю, способен распознать родственную душу. Уверен, что ЭКоВоГС бы захотел, чтобы я остался.

— ЭКоВоГС ничего такого бы не захотел, — серьезно возразил ему Критик. — Они бы хотели, чтобы вы спаслись, чтобы они могли изучить и разложить по полочкам каждую деталь ваших переживаний. Ваши американские друзья прискорбно ослеплены предполагаемой действенностью рационального, всеобъемлющего цифрового анализа Прошу вас, поверьте мне — гигантские вихревые потоки в обществе эпохи постмодерна слишком велики, чтобы их мог познать отдельно взятый человеческий разум, пусть даже с помощью компьютерной перцепции или лучшей компьютерной системы социологического анализа. — Критик поглядел на свой терминал, будто серпентолог, изучающий кобру. — Ваши друзья из ЭКоВоГСа сойдут в могилу, так и не осознав, что всякий жизненно важный импульс человеческой жизни прерационален по природе своей.

— Что ж, я-то уж точно не уйду, пока не въеду, что это значит. Я намерен помочь вам сражаться в правом бою, сэр.

Критик с улыбкой пожал плечами:

— Спасибо, что только что доказали мою правоту, молодой человек. Разумеется, юному американскому герою всегда есть место погибнуть в европейской политической борьбе. Не хотелось

бы нарушать устоявшуюся традицию.

Со звоном разбилось стекло. В окно влетел дымящийся осколок сухого льда, прокатился по полу офиса и начал растворяться. Повинуясь исключительно инстинкту, Эдди метнулся вперед, подхватил его голыми руками и выкинул назад за окно.

— Ты в порядке? — спросила Фредерика.

— Конечно, — удивленно ответил Эдди.

— Это была химическая газовая бомба, — объяснила Фредерика. Она поглядела на него так, словно ждала, что он вот-вот упадет замертво.

— Очевидно, химикаты, замороженные в лед, оказались не слишком токсичными, — выдвинул предположение Критик.

— Да какая это химическая бомба. — Эдди выглянул за окно. — На мой взгляд, это был просто кусок сухого льда. Вы, европейцы, помешались на паранойе.

К немалому своему удивлению, он увидел, что у них под окном на улице разворачивается настоящее средневековое представление. Приверженцы Нравственного Рефери — а их было три или четыре сотни — и хорошо организованная колонна маршировала в мрачном дисциплинированном молчании, очевидно, питали слабость к средневековым безрукавкам, плащам с бахромой и разноцветным штанам. И факелам. Факелам уделялось особое место.

Все здание внезапно содрогнулось, немедленно взвыла охранная сигнализация. Эдди выгнул шею, чтобы посмотреть, что происходит. С полдюжины человек били в дверь ручным гидравлическим тараном. Облачены они были в шлемы с прозрачными забралами и металлические доспехи, поблескивавшие на солнце.

— Нас атакуют рыцари в сверкающих доспехах, — объявил Эдди. — Поверить не могу, что они делают это среди бела дня.

— Футбольный матч только что начался, — сказала Фредерика. — Время они выбрали наилучшее. Теперь их никто не остановит.

— Эти штуки открываются? — Эдди потряс решетки на окнах.

— Слава богу, нет.

— Тогда дай мне вон те диски с данными, — потребовал он. — Да нет, не эту мелочь. Давай мне полновесные тридцатисантиметровые.

Распахнув окно, он начал забрасывать толпу летающими тарелками мегабайтов. У дисков оказалась превредная аэродинамика, а кроме того, они были тяжелые и с острыми краями. Наградой ему стал ужасающий заградительный огонь из

кирпичей, перебивших окно по всему второму и третьему этажу.

— Вот теперь они разозлились, — прокричала, перекрывая вой сигнализации и крики толпы внизу, Фредерика. Все трое обитателей офиса скорчились под столом.

— Ага, — отозвался Эдди.

Кровь у него кипела. Он подхватил длинный плоский принтер и послал этот новый снаряд за окно. В ответ дюжина металлических дартс — на самом деле это были короткие булавы — влетели в окно и засели в потолке.

— Как они пронесли это через таможню? — крикнул Эдди. — Наверное, сами сделали вчера ночью. — Он рассмеялся. — Может, побросать их назад? Я могу их собрать, если встану на стул.

— Не надо, не надо, — крикнула Фредерика. — Держи себя в руках! Не убивай никого, это непрофессионально.

— А я и не профессионал, — отозвался Эдди.

— Слезай оттуда, — приказала Фредерика, а когда он не послушался, выбралась из-под стола и всем телом придавила его к стене. Она пришпилила руки Эдди, бросилась на него с почти эротической напряженностью и зашипела ему в ухо: — Спасайся, пока можешь! Это всего лишь Переворот.

— Перестань, — выкрикнул Эдди, пытаясь вырваться из ее захвата. В окна влетели еще несколько кирпичей и, прокатившись по полу, остановились у их ног.

— Если они поубивают этих никудышных интеллектуалов, — жарко забормотала она, — на их место придут тысячи новых. Но если ты не покинешь это здание сию секунду, ты умрешь здесь.

— Господи, да знаю я, — выкрикнул Эдди и наконец оттолкнул ее, оцарапавшись при этом о ее наждачный плащ. — Не распускай нюни.

— Эдди, послушай! — заорала Фредерика, сжимая кулаки в полосатых перчатках. — Дай мне спасти тебе жизнь! Потом отдашь долги! Отправляйся к родителям в Америку и не забивай себе голову Переворотом. Это все, что мы вообще тут делаем, — все, на что мы вообще годны.

— Эй, а я ведь тоже на это годен! — возвестил Эдди. Кирпич ударил ему в колено. В пароксизме внезапной ярости он перевернул стол и привалил его к разбитому окну как щит. Пока кирпичи глухо стукали о крышку стола, он выкрикивал в воздух пустые издевки. Он чувствовал себя сверхчеловеком. Попытка Фредерики образумить его только невероятно его распалила.

Внизу с оглушительным взрывом сломалась дверь. Эхо занесло крики на второй этаж.

— Ну, я им задам! — заорал Эдди.

Он подхватил шнур питания с многофункциональными штекерами и, пробежав несколько шагов по офису, ногой распахнул дверь. А потом с воплем выпрыгнул на лестничную площадку, размахивая над головой тяжелой гроздью штекеров.

Академические карды Критика физически и в подметки не годились закованным в латы рыцарям Рефери; но их огнетушители оказались оружием на диво действенным. Их струи покрывали все вокруг белой едкой содой и наполняли воздух огромными слепящими облаками разлетающихся и застывающих в полете капель. Было очевидно, что защитники не раз проводили учения.

Зрелище отчаянной борьбы внизу ошеломило Эдди. Лестницу он преодолел, перепрыгивая по три ступеньки за раз, после чего бросился в самую гущу схватки. Он шарахнул штекерами по замазанному содой шлему, потом поскользнулся и плюхнулся на спину.

Скользя на залитом содой полу, Эдди начал отчаянно бороться с наполовину ослепленным рыцарем. Тот наконец откорябал застежки и поднял забрало. Из-под металлической маски на Эдди глянуло лицо, пожалуй, даже моложе него самого. Рыцарь выглядел неплохим парнем. Он явно желал всем добра. Эдди изо всех сил врезал ему по челюсти, а потом принялся бить его ошлемленную голову об пол.

Еще один рыцарь ударил Эдди под дых. Эдди отвалился от своей жертвы, вскарабкался на ноги и налетел на нового врага. Оба они, неловко обхватив друг друга, были сбиты с ног внезапным и одновременным наплывом тел через дверной проем; с дюжину нравственных налетчиков ворвались в вестибюль, размахивая факелами и бутылками с пылающим гелем. Выпачканной в соде рукой Эдди хлестнул своего оппонента по глазам, поднялся на ноги и надежно поправил съехавший специфик. И жестоко закашлялся. В воздухе висела дымовая завеса, он попросту задыхался.

Он рванулся к двери. С панической силой утопающего он процарапал и протолкал себе путь на воздух.

Оказавшись за стенами гавани данных, Эдди сообразил, что он тут один из десятков людей, с ног до головы перемазанных белой пеной. Чихая и кашляя, он привалился к стене здания рядом с дюжиной собеженцев, напоминавших ветеранов чудовищного боя тортами со сливками. Те не распознали, да и не могли распознать в нем врага. Едкая сода уже принялась проедать дешевый комбинезон Эдди, превращая пузырчатую ткань в слезящиеся красные лохмотья.

Отирая губы и дыша тяжело, Эдди огляделся по сторонам.

Специфик защитил ему глаза, но подпрограмма грязи рухнула бесповоротно. Внутренний экран застыл. Пенными руками Эдди снял специфик, щелкнул перед окулярами пальцами, свистнул громко. Ничего.

Он бочком подкрался вдоль стены.

В задних рядах толпы высокий господин в средневековой епископской митре выкрикивал в громкоговоритель приказы. Эдди неспешно подобрался к нему поближе. При ближайшем рассмотрении незнакомец оказался сухощавым господином лет под пятьдесят в расшитых ризах, золотом плаще и белых перчатках. Это был Нравственный Рефери. Эдди подумал было, не броситься ли ему на этого выдающегося джентльмена, не отметелить ли его, может быть, отобрать у него громкоговоритель и самому начать кричать в него противоречащие друг другу распоряжения.

Но даже если б он решился на такое, Эдди это ничего бы не дало. Рефери с громкоговорителем кричал по-немецки. Лишившись специфика, Эдди не мог читать по-немецки. Не понимал ни немцев, ни их проблем, ни их истории. Если уж на то пошло, у него не было никаких причин находиться в Германии.

Нравственный Рефери заметил пристальный и расчетливый взгляд Эдди. Он опустил громкоговоритель, перегнулся через перила переносной кафедры красного дерева и сказал Эдди что-то по-немецки.

— Простите. — Эдди поднял специфик на цепочке. — Программа-переводчик обвалилась.

Рефери оглядел его задумчиво.

— Кислота в этой пене повредила ваши линзы? — спросил Рефери на великолепном английском.

— Да, сэр, — отозвался Эдди. — Думаю, мне придется разобрать их и феном высушить чипы.

Рефери запустил руку куда-то под ризы и выпростал льняной носовой платок с монограммой, который и протянул Эдди:

— Можете попробовать вот этим, молодой человек.

— Большое спасибо. Я правда очень признателен.

— Вы ранены? — с очевидно искренней заботой спросил Рефери.

— Нет, сэр. Я хотел сказать, не сильно.

— Тогда вам лучше вернуться к битве, — сказал, выпрямляясь, Рефери. Я знаю, что они вот-вот побегут. Возрадуйтесь. Наше дело правое.

Он снова поднял громкоговоритель и вернулся к крикам на немецком.

На первом этаже здания занялся пожар. Группки сторонников

Рефери выволакивали подсоединенные машины на улицу и разбивали их на части прямо на тротуаре. Им не удалось сбить решетки с окон, но они протаранили несколько гигантских брешей в стенах. Эдди наблюдал за происходящим, протирая линзы специфика.

Довольно высоко над улицей начали рушиться стены третьего этажа.

Нравственные рыцари вломились в офис, где Эдди в последний раз видел Культурного Критика. Свой гидравлический таран они, очевидно, втащили за собой вверх по лестнице. Теперь его тупой нос пробивал кирпичные стены словно затхлый сыр.

Камни и куски штукатурки размером с кулак каскадом посыпались на улицу, заставив лавину налетчиков отхлынуть от стены. Несколько секунд спустя рыцари на третьем этаже пробили во внешней стене дыру размером с крышку водосточного люка. Сперва они выкинули аварийную лестницу. Потом из дыры полетела, чтобы разлететься в щепы при ударе о мостовую, офисная мебель: коробки голосовой почты, канистры архивных дисков, европейские юридические талмуды с красными корешками, сетевые маршрутизаторы, устройства бумажного запасного хранения, цветные мониторы…

Из дыры вылетел плащ и, медленно кружа, опустился на мостовую. Эдди сразу его узнал, Это был наждачный плащ Фредерики. Даже посреди этого вопящего хаоса, где злобно завывала взрывающаяся в огне пластмасса, отрыгивая из окон Библиотеки черный дым, вид этого трепещущего плаща притянул взгляд Эдди. Было что-то в этом плаще. В нарукавном кармане. Ключ к его камере хранения в аэропорту.

Эдди метнулся вперед, оттолкнул в сторону трех рыцарей и зацапал плащ себе. Поморщившись, он отскочил в сторону, когда прямо рядом с ним приземлилось, едва его не задев, офисное кресло. Он в неистовстве поглядел наверх.

Как раз вовремя, чтобы увидеть, как выбрасывают Фредерику.

* * *

Прилив покидал Дюссельдорф, а с ним все сбившиеся в стайки сардины Европы. Эдди сидел в зале вылета, балансируя на коленях восемнадцать отдельных деталей специфика на столике на липучке.

— Тебе это нужно? — спросила его Фредерика.

— Ах да, — отозвался Эдди, забирая у нее узкий хромированный инструмент. — Я обронил дентоиглу. Большое

спасибо. — Он аккуратно убрал ее в свою дорожную сумку. Всю свою европейскую наличность он только что потратил на роскошный, купленный в дьюти-фри немецкий набор для починки электроники.

— Я не поеду в Чаттанугу ни сейчас, ни когда-либо потом, — сказала ему Фредерика. — Лучше тебе забыть об этом. Это не может входить в сделку.

— Может, передумаешь? — предложил Эдди. — Забудь о рейсе на Барселону и полетели со мной за океан. Вот уж повеселимся в Чаттануге. Там полно очень глубоких людей, с кем мне хотелось бы тебя познакомить.

— Я не хочу ни с кем знакомиться, — мрачно пробормотала Фредерика. — И я не хочу, чтобы ты выставлял меня напоказ перед своими мелкими хакеришками.

Фредерике тяжко досталось во время погрома, пока она прикрывала успешное отступление Критика по крыше. В битве ей опалило волосы, и они растрепались из педантично заплетенных кос, словно много раз бывшая в употреблении стальная вата. Под глазом у нее был синяк, а щека и челюсть обожжены и блестели теперь от заживляющего геля. Хотя Эдди задержал ее падение с третьего этажа на тротуар, она все же растянула ногу, повредила спину и разбила оба колена.

И потеряла свой специфик.

— Ты прекрасно выглядишь, — поспешил заверить ее Эдди. — Ты очень интересный человек, вот в чем все дело. Ты глубокая! Вот в чем загвоздка, понимаешь? Ты агент спецслужб, ты из Европы, ты женщина — это все, на мой взгляд, очень глубокие вещи.

Он улыбнулся.

Левый локоть у Эдди горел и распух, хотя и прятался в рукаве сменной рубашки; грудь, ребра и левая нога были усеяны гигантскими синяками. Затылок его украшал огромный кровоподтек — там, где он упал головой на камни, пытаясь поймать Фредерику.

В общем и целом они не слишком выделялись на фоне отбывающих гостей Переворота, заполонивших в воскресенье аэропорт Дюссельдорфа. В целом толпа как будто страдала от основательного коллективного похмелья — достаточно сурового, чтобы многие из отбывающих красовались костылями и перевязями. И тем не менее просто поразительно было видеть, какими эти люди выглядели умиротворенными, почти самодовольными, покидая свою карманную катастрофу. Они были бледны и изнурены, но веселы, словно больные, оправляющиеся от гриппа.

— Я слишком плохо себя чувствую, чтобы быть глубокой. — Фредерика шевельнулась в своем коконе. — Но ты спас мне жизнь, Эдди. Я перед тобой в долгу. — Она помолчала. — Это должно быть что-то разумное.

— Об этом не беспокойся, — благородно ответил Эдди, со скрипом растирая крохотную плату пластмассовым зондом-скобельком. — Я хочу сказать, строго говоря, я даже не задержал твое падение. По большей части я просто помешал тебе приземлиться на голову.

— Ты спас мне жизнь, — тихо повторила она. — Если бы не ты, эта толпа на улице могла бы убить меня.

— Ты спасла жизнь Критику. Полагаю, это будет посерьезнее.

— Мне заплатили за то, чтобы я спасала ему жизнь, — отозвалась Фредерика. — К тому же я не спасла этого сукина сына. Я просто выполняла свою работу. Его спасла его собственная ловкость. Он пережил десяток таких чертовых передряг. — Она осторожно потянулась, устраиваясь поудобнее в коконе. — И я тоже, если уж на то пошло… Но я, должно быть, невероятно глупа. Я много чего выношу, чтобы прожить мою драгоценную жизнь… — Она сделала глубокий вдох. — Барселона, yo te quiero.

— Я просто рад, что мы успели выписаться из больницы пораньше и теперь не опоздаем на самолет, — сказал Эдди, рассматривая в ювелирную лупу плоды своих трудов. — Ты видела этих болельщиков в больнице? Вот уж кто повеселился… И почему они не могли быть такими покладистыми до того, как до полусмерти друг друга избили? Кое-что, думаю, просто остается тайной на веки веков.

— Надеюсь, случившееся послужило тебе хорошим уроком.

— Уж конечно. — Эдди кивнул. Он сдул высушенный комочек грязи с острия скобелька, потом взял хромированный зажимчик и вставил крохотный винтик в наушник специфика. — Я увидел в Перевороте глубокий потенциал. Верно, что с десяток человек тут убивают, но город, наверно, заработал огромное состояние. Муниципальному совету Чаттануги это придется по нраву. А для культурной сетевой группы вроде ЭКоВоГСа Переворот представляет массу полезной паблисити и влияния.

— Ничего ты не понял, — застонала Фредерика. — Не знаю, почему я решила, что с тобой все будет иначе.

— Признаю… В гуще событий меня несколько занесло. Но единственно о чем я по-настоящему сожалею, это о том, что ты отказываешься лететь со мной в Америку. Или, если тебе этого не хочется, отказываешься взять меня с собой в Барселону. И так и так, на мой взгляд, тебе нужен кто-то, кто бы какое-то время за

тобой присматривал.

— Ты намерен растирать мои усталые сбитые ноги, да? — кисло спросила Фредерика. — Как благородно с твоей стороны.

— Я бросил свою зануду подружку. Папа будет оплачивать мои счета. Я помогу тебе лучше со всем справляться. Я могу улучшить твою жизнь. Могу чинить твои сломанные приборы. Я хороший парень.

— Не хочу показаться грубой, но после случившегося сама мысль о том, чтобы ко мне прикасались, вызывает у меня отвращение. — Она решительно покачала головой, раз и навсегда закрывая тему. — Прости, Эдди, но я не могу дать тебе того, что ты хочешь.

Вздохнув, Эдди изучал какое-то время толпу туристов, потом вновь уложил детали своего специфика в чехол и закрыл дорожный набор. Наконец он заговорил снова:

— Ты занимаешься виртуалкой?

— Чем?

— Ну, сексом в виртуальной реальности?

Фредерика надолго замолчала, потом поглядела ему в глаза:

— Ты ведь не делаешь ничего слишком уж извращенного или странного в виртуалке, Эдвард?

— Если использовать высокопропускной трансатлантический канал оптоволокна, задержки во времени почти никакой, — ответил Эдди.

— А, понимаю.

— Что ты теряешь? Если тебе не понравится, отключишься.

Фредерика заправила на место выбившиеся волоски, глянула на табло вылета на Барселону, поглядела на носки своих ботинок:

— Это сделает тебя счастливым?

— Нет, — сказал Эдди. — Но мне будет гораздо лучше, чем сейчас.

notes

Примечания

1

Оптимизация обработки данных с учетом пользовательских потребностей. (нем.)

2

Крытая автостоянка (нем.)

3

Ремонт мобильных телефонов (нем.)

4

Офисные здания (нем.)

5

Да, спасибо (нем.)